

Хрупкая жизнь в конце концов способна породить величайшую стойкость.

Грохот грома вновь нагнал его, и минутная передышка словно была нужна лишь для того, чтобы он отчётливо понял, какое именно чудовище обрушилось на его голову, и услышал звучащий в ушах зловещий смех бога судьбы, издевающегося над мертвецом, шаг за шагом ступающим в врата смерти.

Грозовой разряд обрушился туда, где только что находился Фэн Цихэн; осколки скалы разлетелись во все стороны, и в следующее мгновение бурная смесь воздушных потоков толкнула его в спину. Прижавшись к ногам Нидхегга, он от мощного толчка влетел в неровный обломок металлической плиты, и острый край вонзился ему в живот. Тепло, противоестественное для этого места, мгновенно залило его ладони, а кровь закапала по суставам пальцев, скрытым под кожей.

Он больше не мог сдерживаться, и кровь из горла вместе с ледяным тумором смешалась с воздухом. Растянувшись в луже крови, бледный как смерть, он почувствовал острую боль в бёдрах, от которой его качнуло. Припав телом к парящей доске, он с помощью тяги воздушного потока устремился прочь от места, где раскололась скала. Фэн Цихэн прекрасно понимал, что из-за удара молнии разлетевшиеся камни градом вонзились ему в бёдра, прорвав плоть и застряв глубоко внутри, но к счастью, артерии не были задеты, а значит, это не помешает их дальнейшему пути.

В глазах клубился туман. Мгла Царства Великой Пустоты неизменна с предвечных времён, она просачивается в каждый дюйм пространства, не позволяя даже свету, способному пробить тьму, одолеть ледяную завесу. Фэн Цихэн не мог объяснить, почему выбрал именно эту дорогу: в этой лишённой ориентиров бездне ему казалось, будто он интуитивно чувствует, что если идти этим путём, то не придётся смотреть в глаза самой смерти. Ледяной туман и тьма, лишаящие зрения, подавляли его эмоции, позволяя ему, израненному, метаться из стороны в сторону, словно слепая муха.

Как только сила толчка полностью исчерпала себя, Фэн Цихэн переключился на мышечное усилие: оттолкнувшись ногами одновременно, он увеличил расстояние, которое они пролетали по воздуху. Разорванная ладонь снова сжалась, и острый осколок вошёл еще на дюйм глубже, отчего и без того сильная боль стала поигрывать новыми красками.

Гроза походила на охотника, забавляющегося со своей добычей: раскинувшаяся в небесах пурпурная паутина насмехалась над убегающим Фэн Цихэном. Бесчисленные тонкие молнии били всего в нескольких метрах позади него — ни слишком далеко, ни слишком близко, — словно подгоняя его двигаться только вперёд. Разрываемые в щебень скалы и льдины градом впивались ему в спину, но, словно опытный хирург, неизменно огибали жизненно важные органы: хотя это и не убивало его, сам метод пошагового истязания в точности копировал повадки кошачьих.

Ледяная гора, казалось, устала от этой игры и наконец рухнула вниз, когда Фэн Цихэн уже выбился из сил от непрекращающихся терзаний. Раскатистый грохот раскололся на несколько слоев, и тут же новая молния прочертила небо, на глазах у остолбеневшего Фэн Цихэна надвое

рассекло ледяную массу. Ледяная гора начала заваливаться, устремляясь вперёд подобно бушующему потоку, и диким зверем ринулась на него, увлекая за собой всю мощь неба и земли.

Под ногами лежала гладкая ледяная дорога, а поднявшиеся по краям полукруглые бортики образовывали склон в форме буквы U — по изяществу исполнения ничуть не уступающий крутому ледяному желобу в каком-нибудь зимнем парке развлечений.

Только тогда Фэн Цихэн осознал, что несется под уклон. Струящаяся талая вода растекалась по склону, прокладывая проходимый путь, а царящий в бездне мороз мгновенно замораживал её обратно в лёд. Закруглённые края желоба выглядели так, будто образовались от ударов воды о камни во время стремительного спуска, но вот в чём вопрос... Откуда в такой экстремальный мороз бралась теплая вода? И даже если это были ручьи от растаявшего ледника, то откуда взялась температура, способная его растопить?

Стоило ему ступить на этот ледяной путь, как всё вышло из-под контроля. Парящая доска намертво зафиксировалась в полукруглом изгибе желоба, его ноги заскользили, и он мог лишь сохранять оцепенелую позу, чтобы не упасть. Гладкий, словно отполированный бесчисленное количество раз лёд обеспечил абсолютное «нулевое сопротивление», заставляя его непрерывно ускоряться до тех пор, пока он не почувствовал, как холодный ветер полоснет по лицу острой бритвой.

Ему нужно было лишь не сворачивать с этого ледяного желоба, чтобы оторваться от неотступно преследующей ледяной горы, но проблема заключалась в том, что он понятия не имел, куда эта дорога ведет. В парке развлечений внизу тебя с улыбкой встречают работники, наряженные в костюмы белых медвежат, но кто к чёрту знает, что встретит тебя на дне бездны? Быть может, это короткая дорожка на Желту Источнику, по обе стороны которой стоят скалящиеся жуткими улыбками призрачные постоянные дворы, где слуги заывают гостей приветственными воплями: «Ай-яй-яй, милости просим!», и тебя уже ждут подземный декор в стиле рассказов Цюй Цяньцзюня!

В голове Фэн Цихэна царил полный хаос, тело бессознательно покачивалось вслед за изгибами ледяного желоба. Ну прекрасно, мысленно выругался он: вертикальная горка превратилась в американские горки, да ещё и без всяких средств защиты. Хорошо хоть пока не попадалось мертвых петель, иначе он бы действительно слился в поцелуй со смертью.

Словно в насмешку над его мыслями о мертвой петле, ледяная дорога впереди начала круто забирать вверх, а его согнутые колени сжались еще сильнее. Набранная за десять с лишним минут кинетическая энергия легко выбросила его ввысь, и почти вертикальный крутой подъем наконец заставил его потерять самообладание.

— А-а-а! — он зажмурил глаза, и его ноги принялись судорожно скрести по ледяной поверхности.

Внезапный подъем был вызван утолщением ледяного слоя, однако столь чрезмерная

вертикальность заставила Фэн Цихэна на миг подумать, что перед ним ледяная стена, столкновение с которой на неподконтрольной скорости означало неминуемую смерть.

Но, зажмурив глаза, Фэн Цихэн так и не дождался ожидаемого удара. Его ускорение при падении должно было достигать пятисот единиц перегрузки, а поскольку защитного снаряжения не полагалось, вероятность мгновенной смерти равнялась девяноста девяти процентам. Впрочем, поговаривают, что в момент гибели боли не чувствуешь, вернее, она запаздывает — неужели он уже попал на небеса? Разве в раю тоже катаются на американских горках?

Приоткрыв один глаз, он увидел взмывающий вверх ледяной желоб, что окончательно развеяло его сомнения: он всё ещё ускорялся. Ионные дюзы парящей доски при соприкосновении со льдом изменили угол выброса струи, идеально следуя контуру поднимающегося желоба, только вот...

Опустив взгляд вниз, он заметил, что расстояние до покинутой им земли стремительно увеличивается.

Чувство невыносимой тошноты и тревоги рождается вовсе не от подъема на головокружительную высоту, а от сбоя в циркуляции крови, вызванных бешеной скоростью при падении. В случае Фэн Цихэна это ощущалось так, будто демон сжал его сердце в кулак, отпустил на подъеме, а затем вновь безжалостно сжал при входе в мертвую петлю, норовя раздавить в лепёшку.

В поле зрения мелькнула чья-то рука, отчего сжавшееся сердце сдавило с новой силой. Это была рука Нидхегга, выбившаяся из-за поврежденных металлических ремней парящей доски, но дело было даже не в этом. Стоило его зрачкам сфокусироваться на падающих кончиках пальцев, как он увидел гигантскую ледяную гору, уже нависшую над ледяным желобом.

Ледяная гора начала скользить вниз, и её колоссальная масса, подобно тяжелому катку, сокрушила вираж ледяного желоба. Подброшенный участок пути сработал как бита лучшего бейсболиста, отправив Фэн Цихэна — этот крошечный «мяч» — в чёрную пустоту небес.

Преследующая его ледяная гора не останавливалась: превратившийся в ловушку для беглецов спуск на дно бездны стал для ледяного массива идеальным разгонным треком. По мере того как гигантская, скрывающаяся в вышине ледяная громадина приближалась, поле зрения Фэн Цихэна с каждым мигom сокращалось. Всё преимущество в расстоянии, завоёванное с таким трудом в самом начале, было полностью утеряно, и теперь он уже физически ощущал исходящий от горы невыносимый пробирающий до костей холод.

— Ну просто беда не приходит одна! — выругался сквозь зубы Фэн Цихэн.

Под вспышками фиолетовых молний он разглядел бледное лицо Нидхегга, её вырвавшуюся из ремней руку и — что хуже всего — стремительно рвущиеся металлические ремни креплений. Судя по всему, они пострадали от ударов, когда ледяная гора обрушилась на мертвую петлю.

Он растерялся: что ему следовало сделать сейчас — изо всех сил прибавить скорость и бежать, запихнуть её безвольно болтающуюся, подобно морской водоросли, руку обратно или попытаться заново застегнуть лопнувшие ремни?

Ладно, теперь об этом можно не думать — оставалось лишь вовсю орать во весь голос: «Ай-яй, матушка!».

Скользящая ледяная гора наконец настигла лишённого тяги Фэн Цихэна. Ледяная, до боли в костях холодная поверхность вплотную прижалась к его спине, толкая его вперёд по склону.

От ледяного прикосновения к коже его сердце едва не остановилось. Они были лишены возможности затормозить, яростный ветер сталкивался с ледяной массой, и теперь Фэн Цихэн сполна прочувствовал, каково это — быть рыбой на разделочной доске. Он не был уверен, что сможет выйти из этого живым и невредимым, если они продолжат двигаться дальше: мелькавший впереди частокол из ледяных шипов явно не собирался пропускать сквозь себя объекты шире человеческого плеча. Если протаранить его на прежней скорости, результат был предсказуем.

Фэн Цихэн воочию наблюдал, как ледяная гора врезается в чашу шипов. Отколотые куски льда размером с кулак градом обрушились на него, в то время как ремни безопасности на парящей доске забили в бешеных судорогах.

Навострив уши, он сквозь оглушающий гул расслышал посторонний звук — невнятный, смутный скрежет буксующих шестерёнок, доносившийся совсем близко. Какой-то источник света отделился от общей группы и затерялся среди густых зарослей ледяных шипов. Скрежет доносился из-под парящей доски: её днище со скрежетом терлось о стыки первородного камня и натянутых ремней.

Ещё больше огоньков погасло, и одновременно с ними вниз полетели обломки механических ног; ионные дюзы окончательно заглохли. Рваные концы ремней хлестали его по телу — в этот момент всё рушилось и разваливалось на части.

Дыхание Фэн Цихэна сбилось: с одной стороны, из-за бешеного напора воздуха ему не хватало воздуха, с другой — разорванные крепления позволили половине тела Нидхегга отделиться от парящей доски, но сам он по-прежнему не мог пошевелиться. Обломок врезался ему в грудь, не только вызывая удушающую тесноту, но и наглухо сковывая любые движения.

Гул частых раскатов грома стихал, а звук скользящей по земле ледяной горы, напротив, нарастал. Затем раздался оглушающий грохот — казалось, все затухающие звуки копились лишь ради этого взрыва. Прокатившийся по бездне раскат грома заставил сердце Фэн Цихэна забиться вновь, и следом началось неуправляемое падение: ледяная гора начала рушиться.

Массив врезался в обнаженный пласт льда на поверхности. Прочный, как камень, лед не был хрупким, как чаша шипов, и на долю секунды обе стороны этого столкновения века словно получили передышку. Ухватившись за этот шанс, Фэн Цихэн в момент отрыва от ледяной горы

выдернул тело из-под обломков доски, в полете ухватился за её корпус и одним прыжком вскарабкался обратно. Поврежденные ремни, словно отслужившие свой срок и выполнившие последнюю задачу воины, сорвались вниз, завершая свой жизненный путь.

— Я поймал её! Я поймал тебя! — завопил Фэн Цихэн.

Сам служа связующим звеном между Нидхеггом и доской, Фэн Цихэн изо всех сил обхватил её тело руками. Распущенные длинные волосы водопадом струились вниз, щекоча его нос и забираясь в ноздри. Падение с огромной высоты кружило ему голову, тело то и дело соскальзывало с доски, а неустойчивая парящая доска, похожая на машину без руля и тормозов, неслась по ледяной глади, выпуская на волю заточённые души.

Склон вниз позволил несущей Фэн Цихэна доске пробить плотную завесу ледяного тумана. Теперь её уже нельзя было назвать столь высокотехнологичным словом, как парящая доска: удары и трение почти стерли её днище. Это был резкий переход от американских горок к бобслею — испытание, требующее колоссального мастерства и выпадающее на долю любого новичка. Спустя мгновение Фэн Цихэну наконец удалось выровнять импровизированные сани по прямой, хотя остальные функции ещё предстояло восстановить.

Вода точит камень: ледник стер о ледяную гору свои самые прочные части, и теперь он расшатался, словно исполинское дерево с подрубленными корнями, которое рухнет в определенную сторону даже без дополнительного нажима. Вот только сталкивающиеся ледяные глыбы уже не представляли собой монолит — они неслись вперед, как стая бешеных волков, и вместе с гладким ледяным пластом набросились на двоих пассажиров саней.

Всё, что оставалось Фэн Цихэну, — это отчаянно пытаться удерживать управление и уворачиваться от катящихся глыб. Ледяная гора толкала перед собой растрескавшийся пласт льда, напоминая о вымирании в эпоху Ледникового периода; метровые трещины нарушали монолитную красоту ледяного покрова, и необходимость постоянно менять траекторию изрядно утомила Фэн Цихэна, а лежащая на нем Нидхегг подала слабый знак жизни.

Похоже, это был финал. Трёхчасовой бег наконец подходил к концу.

Капли воды падали ему на лицо, временно увлажняя пересохшие губы. В поле зрения появлялось всё больше и больше брызг; прильнув к саням, он чувствовал, как отлетающие от днища капли бьют его по лицу.

Поверхность вечного льда подтаяла, покрывшись слоем воды. У Фэн Цихэна уже не оставалось сил выяснять, откуда она взялась; он знал лишь одно: впереди температура, возможно, повысится, и тогда падающие ледяные горы наконец прекратятся.

Кроме того, из этого следовал еще один вывод: обернувшись на едва различимый во тьме силуэт ледяной горы, он укрепился в мысли, что эта глыба — последняя.

Фэн Цихэн в мертвой хватке вцепился в тело Нидхегга, прижавшись к саням всем телом. У него не было никаких доказательств, но интуиция подсказывала: дальше всё станет до смешного просто.

Грандиозная, величественная ледяная гора сбросила с себя обломанные глыбы и, используя силу водного потока, ринулась вперед, стремясь расплющить их своим ходом!

Последняя молния рассекла небо, сменив яростный пурпур на мертвенную бледность. В короткой вспышке света Фэн Цихэн отчетливо разглядел всё, что был способен сделать.

Он прижался к саням как можно ниже, перенеся весь вес на их нос. Он бросил попытки маневрировать, вливая все силы в ускорение!

В следующее мгновение он доказал своё мастерство: тройной ширины ледяной трамплин выбросил их в воздух. Вычерченная дугой траектория замерла на мгновение, и в ту же секунду он взвалил Нидхегга себе на плечо, другой рукой обхватил сани, а последний самородок прижал к замерзшей механической ноге, закрепленной на вершине доски — именно от неё исходили те самые капли воды.

Но ввиду полученных повреждений механическая нога работала с перебоями. Они уже миновали высшую точку полета, и неизбежность падения стала абсолютной.

На сердце Фэн Цихэна было спокойно: ни единое звено цепи не должно было дать сбой, но он сделал всё, что от него зависело, а остальное оставалось доверить воле небес.

Жёлто-чёрные ионные лучи вспыхнули в момент падения, словно зафиксировав всё движение в заоблачной выси. В этот миг затишья он развернулся, швырнул санную доску в сторону приближающейся ледяной горы и сам врезался в неё.

Используя руки и ноги как амортизаторы, Фэн Цихэн выровнял положение в полете. Боль сейчас отходила на второй план — у него были дела поважнее. Встав ногами на доску, он фактически оказался перпендикулярен ледяной горе. Санная доска увеличила площадь соприкосновения, и в момент удара последовал мощный толчок; крутой склон был почти отвесным, и именно это ему было нужно.

Следующий поворот ожидался секунд через восемь. Затаив дыхание, Фэн Цихэн одной рукой прижал затылок Нидхегга к своей щеке. Все приготовления были завершены: выждав нужный момент, он задрал нос доски и сиганул вниз!

Он использовал высшую точку ледяной горы как источник потенциальной энергии; два предыдущих броска позволили ему понять предел достижимой высоты, но этого всё равно было мало — ему требовались еще большая скорость и ещё большая высота, достаточная для того, чтобы полностью вылететь за пределы ледяной горы. И вот теперь шанс представился: кинетическая энергия, преобразованная из потенциальной энергии горы, могла выстрелить их,

словно пушечное ядро, а отправной точкой... служил крутой ледяной склон горы.

В ушах свистел ветер, и Фэн Цихэн, полагаясь на милосердие судьбы, зажмурил глаза. В его памяти вновь возникла картина удара последней молнии — в расплывчатой точке за ледяным трамплином скрывался идеальный, полностью вывернутый наружу трамплин для прыжков!

Глубоко вздохнув, он ощутил, как вокруг воцарилась тишина.

До отсчета осталось 8 секунд.

Крупные обломки льда густо усыпали склон, требуется обход по широкой дуге.

...

До 5 секунд.

Летающие осколки льда могут изменить траекторию саней, требуется сместить центр тяжести.

...

До 3 секунд.

Последний ровный участок льда, прижать нос доски для финального рывка.

...

До 1 секунды.

Фэн Цихэн резко вынырнул из медитативного оцепенения. Звуки вновь ворвались в уши: стремительно уносящаяся назад лазурно-голубая ледяная гладь покрылась пеленой ледяной дымки, натягиваемый вес рос с каждой миллисекундой — и в следующее мгновение дымку сорвало, обнажив зияющую за ней бесконечную глубину.

Он продолжал подниматься, и высота уже намного превзошла пределы первых двух попыток.

Он неотрывно смотрел вдаль: всё вокруг стремительно уменьшалось в полете зрения, становясь крошечным и бесконечно далёким.

Оглянувшись назад, он увидел, как последняя ледяная гора издает полный отчаяния рев, навечно застыв во времени и преграждая путь неумолимому потоку истории...

...

<http://bllate.org/book/19201/1885560>